

10. Засурский Я.Н. Переход к рынку и кризис прессы // Вестн. Моск. Ун - та. Сер. 10. Журналистика. 1991. № 1.
11. Коппервуд Р., Нельсон Р. Как преподносить новости. М., 1998.
12. Корконосенко С.Г. Основы творческой деятельности журналиста. СПб, 2000.
13. Корнилов Е.А. Типология журналистики. Вопросы методологии и истории. Ростов - на - Дону, 1987.
14. Лазутина Г. Основы творческой деятельности журналиста. М., 2000.
15. Лисовский Н.М. Русская периодическая печать 1703 - 1900 годов. СПб., 1915.
16. Назарова Т.Б., В.В.Буданова. Семиотика коммуникантов в деловом общении на английском языке. // Язык. Сознание. Коммуникация. Выпуск 32. М., 2006.
17. Пельт В. Информация в газете. М., 1980.
18. Система средств массовой информации России. М., 2003.
19. Тертычный А. Жанры периодической печати. 2002.
20. Третьяков В. Как стать знаменитым журналистом. М., 2004.

© И.А.Тортунова, 2016

УДК 91

Е.И.Трубаева, Т.А.Перельгина
НИУ»БелГУ»

ЗНАКОВОСТЬ И СИМВОЛИЗМ В ИССЛЕДОВАНИИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

Процесс семиотического исследования любого англоязычного художественного текста может быть значительно затруднен многообразием дефиниций «знака» и «символа», их определением посредством друг друга. Символ, являясь по мнению Ю.М. Лотмана «одним из самых многозначных понятий в системе семиотических наук», зачастую широко употребляется как простой синоним знака и знаковости [3, с.240].

В целях выявления непротиворечивых определений, мы прежде всего провели анализ словарных дефиниций *знака* и *символа*, а затем обратились к работам ведущих семиологов и теоретиков языка.

Так, в Словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой указано, что знак – «показатель, выразитель данного языкового значения» [1, с.158], а символ – «знак, связь (связанность) которого с данным референтом является мотивированной» [1, с.404]. Мотивированность, по - видимому, должна объясняться сходством символа как обозначающего элемента и референта, которого он обозначает.

В Лингвистическом энциклопедическом словаре языковой знак традиционно определяется как «материально - идеальное образование (двусторонняя единица языка), репрезентирующее предмет, свойство, отношение действительности» [2, с.167]. По нашему мнению, данное традиционное определение отличается излишней философичностью и может быть понято противоречиво. Сам по себе знак не может быть материально -

идеальным, так как сам по себе не несет значения, а лишь указывает на него. Таким образом, знак не является чем - то двойственным, он не самостоятелен, а зависим.

В целях тщательного анализа дефиниций нами были исследованы статьи, посвященные знаку и символу, данные в философских словарях.

Известный философский словарь, основанный лексикографом Г. Шмидтом, представляет знак как «то, что заменяет другое, указывает на другое. *Знак* есть предмет, благодаря представлению которого вновь осознается другое представление, связанное у думающего с первым. Представление, возникшее в сознании благодаря знаку, есть *значение* знака; представление, слившееся со своим значением в некоторое внутреннее единство, есть *символ*» [5, с.164 - 165]. В отдельной статье о символе указано, что он воплощает какую - либо идею, причем он есть «образование, которому определенная группа людей придает особый смысл, не связанный с сущностью этого образования» [5, с.404].

Символ имеет знаковую природу, и ему присущи все свойства знака. Однако если сущностью знака признать чистое указание, то сущность символа оказывается большей, чем указание на то, что не есть он сам. Символ есть не только наименование какой - либо отдельной частности, он схватывает связь этой частности с множеством других, создавая собственную многослойную структуру, смысловую перспективу, объяснение и понимание которой требует от интерпретатора работы с кодами различного уровня.

Сами знаки формируют особую знаковую систему, поскольку каждый знак взаимодействует с другими знаками: «только с помощью других знаков может быть сформулировано то, к учитыванию чего знак готовит интерпретатора». Знаки, по Ч. Моррису, связаны синтаксически [4, с.50].

В свою очередь, последовательности знаков образуют язык. Однако механизм работы разноплановых знаков однотипен: знак социален, понимать язык – значит употреблять только те сочетания и преобразования знаков, которые не запрещаются употреблением, приняты в данной социальной группе, обозначать объекты и ситуации так, как это делают члены этой группы, иметь, когда используются определенные знаковые средства, те же ожидания, что и у других членов, и выражать свои собственные состояния так, как это делают другие. Конвенциональность знака в любом случае доминирует среди его прочих характеристик, а разные, полярные его прочтения скорее являются исключением, чем правилом.

По нашему мнению, в разграничении данных понятий важную роль сыграли исследования Ю.М. Лотмана, который подчеркивает, что «символ связан с памятью культуры» [3, с.225] и «в символе всегда есть что - то архаическое» [3, с.241].

Для нас важна следующая характеристика символа, предложенная Ю.М. Лотманом: «Символ, представляя собой законченный текст, может не включаться в какой - либо синтагматический ряд, а если и включается в него, то сохраняет при этом смысловую и структурную самостоятельность. Он легко вычленяется из семиотического окружения и столь же легко входит в новое текстовое окружение. С этим связана его существенная черта: символ никогда не принадлежит какому - либо одному синхронному срезу культуры – он всегда пронзает этот срез по вертикали, приходя из прошлого и уходя в будущее. Память символа всегда древнее, чем память его несимволического текстового окружения» [3, с.241]. Таким образом, символ, в отличие от знака, указывает не на единичное, но на целый культурный текст, представленный парадигматически во времени.

Мы можем предположить, что символ с его отсылками на разнообразные, ассоциативно связанные референты, хранится во фреймовой структуре, имеющей, как правило, один сценарий. Символ как «культурный текст» должен базироваться на аксиологических основаниях. Следовательно, ядром символа является концепт.

Таким образом, являясь типом знака генетически, в синтагматическом срезе символ представляет собой образование отличной от знака, более развернутой структуры.

Мы принимаем следующие определения знака, символа и значения:

знак – единица любой семиотической системы, указывающая на референт;

символ – основанный по законам знака пифтер переключения на абстрактную идею, представляющую сеть референтов, закодированных в культурный текст;

Таким образом, репрезентациями концепта в тексте могут служить знаки различного порядка и символы.

Список использованной литературы:

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – 2 - е изд., стер. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 569 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл, 1990. – 685 с.
3. Лотман Ю.М. Семиосфера : Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. – СПб. : Искусство - СПб, 2004. – 703 с.
4. Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика : ант. / сост., общ. ред. Ю.С. Степанова. – М.; Екатеринбург, 2001. – С. 45 - 97.
5. Философский словарь / основан Г. Шмидтом. – 22 - е изд. / перераб. изд. под ред. Г. Шпифкоффа. – М. : Республика, 2003. – 575 с.

© Трубаева Е.И., Перельгина Т.А., 2016

УДК 81

3.3. Ханова

Соискатель

Отделение татарской филологии и культуры им. Габдуллы Тукая
Институт филологии и межкультурной коммуникации им. Льва Толстого
Казанского федерального университета
г. Казань, Россия

РОЛЬ МОДАЛЬНОГО СЛОВА ЮК В ОБРАЗОВАНИИ КОММУНИКАТИВНЫХ КЛИШЕ СО ЗНАЧЕНИЕМ ОТРИЦАНИЯ

В татарском языке можно найти многих приемов обращения к модальным словам и частицам при выражении отрицания. Часто эта функция возлагается на слова *юк*, *тугел*. В примере *Гөлсәриягә үч итеп, менә дигән кызга өйлән. Эндә район үзәге универмагындагы кибетче Зөләйха... – Юк!.. Әйтмә дә! Миңа Гөлсәриядән башка беркем дә кирәкм!* [3:295] ту же роль выполняет модальное слово, выражающее субъективную оценку. А в примере